

РАННЯЯ ДИАГНОСТИКА ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО РАССТРОЙСТВА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ

© Арестова О.Н.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
arestova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6720-322X

Статья посвящена проблеме диагностики развития ПТСР на ранней (латентной) стадии. Значение такой диагностики определяется необходимостью профилактических психотерапевтических мероприятий, подчеркивается ограниченность для ранней диагностики применения опросных методов. Феноменология ПТСР рассматривается как ситуация смыслового конфликта, которая требует применения специально модифицированных когнитивно-ориентированных методик (пиктограммы, толкование пословиц, исключение четвертого объекта и др.), при выполнении которых по когнитивным искажениям можно судить о наличии и тенденциях развития и возможном разрешении смыслового конфликта на латентных стадиях ПТСР.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), ранняя диагностики ПТСР, смысловой конфликт, когнитивные искажения, понятийный актуалгенез, методика пиктограмм

Введение

Опасность и коварство посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) заключается в отсроченном проявлении его основных характеристик. При этом латентная стадия переживания травмирующего события и его проявления в виде яркой симптоматики может составлять достаточно длительное время — шесть и более месяцев (Тарабрина, 2001). На стадии скрытого, латентного течения процессов, связанных с ПТСР, особую симптоматику расстройства и задачи их изучения (Александров и др., 2014; Есина, 2011; Shalev et al., 2017). Сложность исследования этой стадии ПТСР заключается во внешне незаметных качественных изменениях. Такие изменения могут человеком не осознаваться или осознаваться не в полной мере, а время их развития оказывается крайне неопределенным (Александров и др., 2014; Падун и др., 2017; Тарабрина, 2001; Bauer et al., 2009; Pitman, 2012; Yehuda, 2002).

Оценка опасности ПТСР на этапе, предшествующем открытому проявлению соответствующей симптоматики, дает возможность профилактического консультативного и/или психотерапевтического вмешательства на ранних стадиях развития расстройства. Для формирования психодиагностического подхода к решению этой проблемы необходимо хотя бы гипотетически представить, что происходит в психике субъекта на данном этапе, когда травмирующее субъекта событие вступает в противоречие с общей картиной мира. Данное

состояние лучше всего передается понятием значимого и острого мотивационно-смыслового конфликта (Столин, 1983).

Представление о причинах такого конфликта сформулировано в психоанализе — это несопоставимость достаточно позитивной сознательной картины мира с иррациональными травмирующими событиями (внутренними или внешними). В зависимости от уровня развития совладающей функции субъекта, зрелости его личности, возможны конструктивные выходы из конфликта путем коррекции картины мира при сохранении ее общей позитивности (Быховец, 2016) или невозможность такой коррекции и возникновение соответствующей болезненной симптоматики, например, по сценарию ПТСР (Сергиенко, Тарабрина, 2007).

Аналогично рассуждает и В.В. Столин (Столин, 1983), описывая два типа конфликтных смысловых образований, где первый основан на признании события, а второй — на его отрицании. В первом случае конфликтный смысл указывает на необходимость поиска новых данных и/или решения проблемы собственной смысловой структуры. Составляющие симптоматику ПТСР когнитивные и эмоциональные нарушения (диссоциация, отчуждения от себя самого и окружающего мира, отчуждение о своих эмоций и чувств, логические искажения, снижение аналитичности и критичности мышления, трудности принятия решений) в совокупности вполне соответствуют картине переживания значимого смыслового конфликта.

Когнитивные искажения имеют сложную природу и их конкретно-психологические механизмы остаются мало изученными (Kahneman et al., 2021). По большей части исследователи ссылаются на влияние защитных механизмов личности, которые искажают картину мира в угоду позитивности представлений человека о себе самом (Столин, 1983). Еще более осложняет проблему диагностики развития ПТСР на ранних стадиях процесса тот факт, что аналогичные нарушения могут встречаться и при других видах расстройств и важно определить специфику когнитивных искажений, возникающих именно при стрессовом расстройстве.

Абсолютное большинство методов диагностики психологических компонентов ПТСР — это опросники (Тарабрина, 2001), при этом очевидным является недостаточная эффективность применения самоотчетных методик к неосознаваемым, латентным, неконтролируемым и нерелексированным процессам. По мнению В.С. Мерлина, изучение мотивационно-смысловых конфликтов с помощью самоотчетов и субъективных описаний невозможно в принципе (Мерлин, 1986) в силу несоответствия между подлинными причинами конфликта и теми, на которые указывает сам субъект. Подлинные мотивы смыслового конфликта обнаруживаются лишь в том случае, когда данным самоотчета соответствует дальнейшая динамика и исход конфликта.

Автор расценивает смысловой конфликт как состояние длительной дезинтеграции личности, выражающееся в обострении существовавших ранее или в возникновении новых противоречий между различными сторонами, свойствами, отношениями и действиями личности. На наш взгляд, это описание весьма соответствует динамике смысловых процессов по мере развития ПТСР, неотъемлемым компонентом которого является острый или хронический смысловой конфликт. Разрешение конфликта здесь возможно в форме нового отношения к ситуации, породившей конфликт, и возникновения новых мотивов личности. Если этого не происходит, то возникающая в конфликте дезинтеграция личности сохраняется и углубляется, после чего — переходит в личностно-когнитивное расстройство, каковое и представляет собой ПТСР.

Когнитивно-ориентированные методики в диагностике ПТСР

Указанное выше противоречие побуждает нас обратиться к методикам, направленным на анализ недостаточно осознанных уровней презентации

конфликтных деструктивных процессов когнитивного и эмоционального плана, которые можно условно назвать полупроективными когнитивно-направленными. Свойством таких методик является диагностическая представленность как когнитивных, так и мотивационно-личностных, смысловых показателей.

В качестве примера можно указать модифицированную методику пиктограмм (Арестова, 2007): модифицированную методику толкования пословиц (Арестова, 2012): методику исключения четвертого с модифицированным анализом результатов (Арестова, Муслимзаде, 2018). Безусловно, данный перечень не является исчерпывающим и включает лишь методики, применимость которых для диагностики смыслового конфликта является подтвержденной в вышеуказанных исследованиях. Методики показали свою эффективность для диагностики конфликтных смысловых и мотивационных образований, характерных для личности с выраженными чертами темной триады (Арестова, Морозова, 2024), агрессивности (Арестова, Савченко, 2010) и проблемной гендерной идентичности (Арестова, Горшкова, 2023).

Проведенные нами исследования показали чувствительность методик к конкретному конфликтному содержанию и позволили не только зафиксировать факт конфликтных переживаний и смысловых противоречий, но и прогнозировать тенденцию к разрешению указанных противоречий (продуктивную и деструктивную). Для задач исследования все методики были модифицированы в виде специального подбора стимулов, адресованных целенаправленно и индивидуально содержательной области, связанной с актуальными для данного субъекта конфликтными смысловыми образованиями.

Такие стимулы имеют аффектогенное влияние на когнитивные процессы, мы называем их зондовыми по принципу их диагностичности. Основным смысл модификации методик достаточно очевиден — стимулы, которые содержательно связаны с конфликтными мотивациями, предположительно будут более интенсивно забываться и искажаться. Содержательный подбор стимулов, например, для модификации методики пиктограмм, базировался на известном опроснике для диагностики симптомов ПТСР — Шкала базовых убеждений World Assumption Scale (*WAS*), включающая следующие субшкалы: доброта окружающего мира (*BW*, benevolence of world); доброжелательность людей (*BP*, benevolence of people); справедливость мира (*J*, justice); контролируемость мира

(*C*, control); случайность как принцип происходящих событий (*R*, randomness); ценность собственного «Я» (*SW*, self-worth); степень самоконтроля (*SC*, self-control); степень удачи, или везения (*L*, luckiness) (Котенев, 1996).

Метод

В соответствии с указанными шкалами нами предлагался следующий набор зондовых стимулов: Новые перспективы, Будущее, Плохой совет, Справедливость, Строгое наказание, Самостоятельный человек, Страшный случай, Высокая цель, Твердое решение, Трудное задание, Заветная мечта. При составлении стимульного ряда были реализованы следующие принципы: чередование зондовых и нейтральных стимулов для ограничения аффективного развития; обращение к полюсам конфликтной темы (например, верный друг — хитрый человек), умеренная аффектогенность с целью снижения возможного травмирующего воздействия на испытуемого.

Применение указанных принципов является полезным и эффективным при работе с людьми как пережившими травмирующее воздействие незначительной интенсивности, так и при работе с людьми, которые подверглись влиянию весьма значительной экзистенциальной угрозы. Заметим, что далеко не всегда эти принципы соблюдаются в аналогичных исследованиях (Аффект..., 2013).

При обработке и анализе результатов оценивались следующие характеристики: точность запоминания нейтральных и аффектогенных стимулов (дифференцированно), содержательность связи между стимулом и рисунком и характер искажения стимула при воспроизведении. Сами рисунки анализировались по принципам проективной графики.

В исследовании рассматривались следующие вопросы: «Как меняется мнемическая деятельность в личностно проблемных ситуациях, например, в случае переживания травматического события?» и «Можно ли по признакам изменения

когнитивных процессов судить о природе и перспективной динамике посттравматического конфликтного переживания?».

Исследование проводилось поэтапно. Применялись методики для определения в опыте испытуемого психотравмирующих событий, интенсивно переживаемых в настоящее время или в недавнем прошлом (интервью, неоконченные предложения, беседа). Беседа включала вопросы о присутствии в опыте испытуемого травматических событий с указанием временной давности этих событий (автокатастрофы, пожары, физическое или психологическое насилие, буллинг, террористический акт, транспортные или авиационные происшествия и т.д.). Результаты интервью и беседы верифицировались с помощью специальных вопросов бланка методики «неоконченные предложения».

В исследовании приняли участие 56 человек (27 женщин и 29 мужчин) в возрасте от 18 до 29 лет со средним и высшим образованием. По результатам первого этапа были выделены следующие группы респондентов: без выраженного травматического опыта — 39 человек (19 женщин и 20 мужчин) и имеющие интенсивно переживаемый травматический опыт — 17 человек (8 женщин и 9 мужчин). Из подсчетов были исключены 4 испытуемых, отказавшихся от полного прохождения исследования.

Далее респонденты были разделены на две подгруппы: имеющие интенсивно переживаемый травматический опыт в горизонте 6–12 месяцев и не имеющие такого опыта. После этого участникам исследования предъявлялась методика пиктограмм со стимульным материалом, разработанным на основе выше указанных принципов.

Результаты пилотажного исследования и их анализ

Результаты проведенного исследования показали существенные различия в воспроизведении аффектогенных и нейтральных стимулов у испытуемых двух групп.

Таблица 1. Среднее количество ошибок воспроизведения стимулов для двух групп испытуемых

Количество ошибок (средние значения по каждой группе испытуемых)	Испытуемые, не имеющие в опыте интенсивных стрессовых воздействий	Испытуемые, подвергнувшиеся интенсивным стрессовым воздействиям
Нейтральные стимулы	2,75	3,54
Аффектогенные стимулы	3,50	3,56

Полученные результаты показывают, что имеются статистически значимые различия между группами в показателях воспроизведения нейтральных стимулов $t=2,41$; $\alpha=0,002$). Кроме того, получилось расщепление данных по группам — для не подвергавшихся стрессовым воздействиям испытуемых различие в эффективности воспроизведения нейтральных и аффектогенных стимулов оказалось значимым, а у переживших интенсивный стресс и те, и другие стимулы искажались одинаково и весьма часто — почти в каждом втором случае ($t=2,48$; $\alpha=0,002$).

Было установлено, что полученные искажения имеют аффективный характер и выражаются в «сдвиге» когнитивного искажения при запоминании в сторону переживаемого субъектом смыслового конфликта. Так, чаще всего (около 70% случаев) искажение проявляется при воспроизведении стимула «Страшный случай». Искажения имеют типичный характер и выражаются в избегании понятия случайности, превращая стимульный материал в «опасное событие», «катастрофу». Подобные искажения могут быть связаны с неосознанным избеганием понятия случайности. В этом случае вероятность тяжелых сценариев при протекании ПТСР заметно снижается за счет ощущения принципиальной возможности контроля ситуации (Тарабрина, 2001).

Выдвинутое нами предположение подтверждается преобразованием стимула «трудное задание» в ответ «трудная задача» (90% случаев), когда неопределенность условий существенно снижается за счет более конкретных формулировок, имеющих, как правило, верный ответ и не требующих в большинстве случаев дополнительного целеполагания (Арестова, Морозова, 2024). Особого внимания заслуживают рисунки, служащие средствами запоминания в методике пиктограмм, однако этот материал вполне достоин стать предметом отдельной статьи и нуждается в весьма подробном разборе.

Феномен избирательного искажения когнитивных процессов

На основе полученных в пилотажном исследовании результатов можно подтвердить обоснованность гипотезы о том, что избирательные искажения мыслительной деятельности свидетельствуют о связи когнитивных процессов с мотивационно-смысловым конфликтом и отражают факт, характер и тенденции к разрешению этого конфликта. Исходя из положения о том, что мотивационно-смысловой конфликт является результатом пере-

живания травмирующего опыта, мы полагаем, что когнитивные искажения, связанные с травмирующей субъекта ситуацией, на ранних стадиях могут служить признаками перехода конфликтного переживания в острую стадию, соответствующую отсроченным эффектам ПТСР.

Смысловые искажения мышления и запоминания можно рассматривать в различных аспектах. Первый аспект — адаптивно-защитный, имеющий характер ситуативной защиты. Примером может быть защитная иллюзорность событий мира или даже полное отрицание некоторых из этих компонентов. Второй — конструктивно-понятийный. Стимул в методике может расходиться или согласовываться с позицией испытуемого в переживаемом им конфликте, иметь личностный смысл, что и приводит к избирательному искажению в воспроизведении. Стимулы, «попадающие» в зону актуального для субъекта смыслового конфликта, аффективно «втягиваются» в его динамику.

Их запоминание и соответствующее осмысление в некоторой степени утрачивает объективно-задачную основу и включается в процесс понятийного оформления возникающего в ходе конфликтного переживания смыслового противоречия. Разворачивающиеся при этом формы осмысления весьма далеки от собственно понятийных и указывают на полиморфность понятийных образований здорового взрослого человека, столкнувшегося с ситуацией экзистенциальной угрозы.

Избирательный характер когнитивных искажений указывает на понятийную полиморфность смысловых полей, сосуществующих в когнитивной сфере субъекта. Допонятийные формы мышления в ситуации экзистенциальной угрозы сохраняют наряду с понятийными уровнями мысли функциональное значение. Полученные данные вносят коррективы в представление о сосуществовании в когнитивных полях взрослого человека различных по уровню соотношения смысловых компонентов. Мышление человека представляет собой разноуровневую с точки зрения понятийной зрелости структуру (Леонтьев, 1979).

Уровень понимания и решения субъектом конкретной задачи определяется не только зрелостью его мышления, но и смыслом конкретной задачи в контексте мотивационно-личностной динамики. Общий смысл интеллектуального процесса при этом — понятийное оформление возникающих в результате мотивационного конфликта смысловых образований. Уровень понимания и решения субъектом конкретной задачи определяется не только понятийной зрелостью, но и смыслом

конкретной задачи в контексте мотивационно-личностной динамики.

Этот момент отражается в представленной Д.А. Леонтьевым (Леонтьев, 2019) гипотезе о возможности сосуществования и взаимоперехода между двумя формами регуляции деятельности — внешне-предметной и субъективно-смысловой. Наши данные позволяют предполагать, что функция «обращенной» к смысловым структурам личности мысли крайне существенна и состоит в понятийном оформлении смысловых структур, придании логической или по крайней мере квазилогической формы малоосознанным, не знающим принципа несовместимого противоречия психическим системам, возникающим в столкновении желаемого и несоответствующего рациональной картине мира реального.

Мотивационно-смысловая динамика в ходе становления и разрешения возникающего в психотравмирующей ситуации конфликта порождает своеобразное смещение уровня обобщения в сторону более ранних и недифференцированных его форм (синкретов и комплексов). В методике пиктограмм это выражается в форме искаженного воспроизведения стимулов в сторону смыслонасыщенных и аффектно продиктованных содержания. Этот феномен связан с текущей попыткой понятийной кристаллизации новых смысловых образований, порождаемых когнитивным и мотивационным конфликтом, и может приобретать функциональный, актуалгенетический характер. Общая идея при этом — понятийное оформление возникающих в результате переживания когнитивного и мотивационного конфликта смысловых образований.

Заключение

Предлагаемый нами подход представляет собой попытку раскрыть конкретно-психологические механизмы взаимодействия понятийных и мотивационно-личностных систем в ситуации переживания

экзистенциального когнитивного и смыслового конфликта. Психоаналитические подходы интерпретируют такие феномены в защитно-деструктивном, регрессивном характере смыслового смещения. Принимая во внимание реальность такого рода трансформации в ситуации острейшего стрессового переживания, мы все-таки не исключаем возможность продуктивной, функциональной интерпретации описанных феноменов. В этом случае сложная смысловая и мотивационная динамика, проявляясь и регулируя когнитивные процессы, создает предпосылки базового для развития личности процесса самопознания, личностной рефлексии, формирования разнообразных по уровню понятийной обобщенности структур самосознания.

Выводы

1. Исследование латентной стадии развития ПТСР представляет собой значительную сложность вследствие неосознаваемого и невербализуемого характера происходящих при этом процессов
2. На латентной стадии развития ПТСР происходит значимый и аффективно насыщенный мотивационно-смысловой конфликт, отражающийся на когнитивных аспектах решения задач, в том числе задач «на смысл».
3. Недоступность происходящих на латентной стадии ПТСР процессов смысловой трансформации определяет недоступность их протекания для самоотчетных процедур и выдвигает на первый план когнитивно ориентированные методики исследования и диагностики.
4. Наблюдаемый в ходе диагностики феномен избирательного, связанного с содержанием смыслового конфликта искажения когнитивных процессов дает возможность не только определить факт разворачивания смыслового конфликта на латентной стадии ПТСР, но и ориентироваться в возможных направлениях его разрешения — конструктивных или деструктивных.

Литература:

1. Александров Ю.И., Ветрова И.И., Быховец Ю.В. Психология человека и общества: научно-практические исследования. 2014. М.: ИП РАН.
2. Арестова О.Н. Диагностика мотивационного конфликта личности с помощью метода пиктограмм // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 161–171.
3. Арестова О.Н. Интуитивное понимание смысла пословиц // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 129–138.
4. Арестова О.Н., Горишкова А.С. Особенности мыслительной деятельности в связи с гендерной идентичностью личности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46. № 3. С. 75–97.
5. Арестова О.Н., Морозова А.И. Особенности познавательной деятельности у лиц с выраженными чертами темной триады // Вопросы психологии. 2024. Т. 70. № 3. С. 84–97.

6. *Арестова О.Н., Муслимзаде П.З.* Культурное своеобразие процессов обобщения (на примере азербайджаноязычных и русскоязычных жителей г. Баку) // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 87–94.
7. *Арестова О.Н., Савченко П.В.* Специфика мыслительной деятельности у лиц с высоким уровнем агрессивной мотивации // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 86–95.
8. *Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы: хрестоматия.* Авторы-составители Ф.С. Сафуанов, Е.В. Макушкин. М.: Генезис, 2013.
9. *Быховец Ю.В.* Феномен посттравматического роста // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. Серия Труды Института психологии РАН. Ответственные редакторы М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 214–226.
10. *Есина О.Б.* Способность специалистов психиатрических служб к распознаванию симптомов ПТСР у детей и подростков // Уральский медицинский журнал. 2011. № 11. С. 14–17.
11. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1979.
12. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 2019.
13. *Котенев И.О.* Опросник травматического стресса для диагностики психологических последствий несения службы сотрудниками ОВД в экстремальных условиях. М.: Академия МВД России, 1996.
14. *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
15. *Падун М.А., Харламенкова Н.Е., Казимова Н.Н., Тарабрина Н.В.* Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
16. *Сергиенко Е.А., Тарабрина Н.В.* Фундаментальные исследования по психологии развития в Институте психологии РАН и их значение для здоровья и образования детей // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 35–44.
17. *Столин В.В.* Самосознание личности. М.: МГУ, 1983.
18. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб. Питер, 2001.
19. *Bauer L.M., Altarriba J., Landi M.* Word type effects in false recall: Concrete, abstract and Emotional word critical lures // The American journal of Psychology. 2009. Vol. 122(4). P. 469–481.
20. *Kahneman D., Sibony O., Sunstein C.* Noise: A Flaw in Human Judgment. New York: Little, Brown Spark, 2021.
21. *Shalev A., Liberzon I., Marmar C.* Post-traumatic stress disorder // New England journal of medicine. 2017. Vol. 376. № 25. P. 2459–2469.
22. *Pitman R.K. et al.* Biological studies of post-traumatic stress disorder // Nature Reviews neuroscience. 2012. Vol. 13. № 11. P. 769–787.
23. *Yehuda R.* Post-traumatic stress disorder // New England journal of medicine. 2002. Vol. 346. № 2. P. 108–114.

EARLY DIAGNOSTICS OF POST-TRAUMATIC STRESS DISORDER BASED ON THE ANALYSIS OF COGNITIVE DISTORTIONS

© Olga N. Arestova

PhD, Associate Professor of the Department of General Psychology, Faculty of Psychology,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
arestova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6720-322X

The article is devoted to the problem of diagnosing the development of PTSD at an early (latent) stage. The importance of such a diagnosis is determined by the need for preventive psychotherapeutic measures, and the limitations of using questionnaire methods for early diagnosis are emphasized. The phenomenology of PTSD is considered as a situation of semantic conflict that requires the use of specially modified cognitively oriented techniques (pictographs, interpretation of proverbs, exclusion of the fourth object, etc.), in which cognitive distortions can be used to judge the presence and trends of development and possible resolution of semantic conflict in the latent stages of PTSD.

Keywords: post-traumatic stress disorder (PTSD), early diagnosis of PTSD, semantic conflict, cognitive distortions, conceptual actual genesis, pictogram technique

REFERENCES

1. *Aleksandrov Yu.I., Vetrova I.I., Bykhovets Yu.V.* (2014). Psychology of man and society: scientific and practical research. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
2. *Arestova O.N.* (2007). Diagnostics of motivational conflict of personality using the pictogram method // Questions of Psychology. № 2. P. 161–171.
3. *Arestova O.N.* (2012). Intuitive understanding of the meaning of proverbs // Questions of Psychology. № 2. P. 129–138.
4. *Arestova O.N., Gorshkova A.S.* (2023). Features of mental activity in connection with the gender identity of the individual // Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology. Vol. 46. № 3. P. 75–97.
5. *Arestova O.N., Morozova A.I.* (2024). Features of cognitive activity in individuals with pronounced traits of the dark triad // Questions of psychology. Vol. 70. № 3. P. 84–97.
6. *Arestova O.N., Muslimzade P.Z.* (2018). Cultural originality of generalization processes (on the example of Azerbaijani-speaking and Russian-speaking residents of Baku) // Questions of psychology. № 3. P. 87–94.
7. *Arestova O.N., Savchenko P.V.* (2010). Specifics of mental activity in individuals with a high level of aggressive motivation // Applied legal psychology. № 4. P. 86–95.
8. Affect: practice of forensic psychological and psychiatric examination: anthology. Authors-compilers F.S. Safuanov, E.V. Makushkin. M.: Genesis, 2013.
9. *Bykhovets Yu.V.* (2016). The Phenomenon of Posttraumatic Growth // Psychological Studies of Personality: History, Current State, Prospects. Series Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Editors-in-Chief M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, N.E. Kharlamenkova. M.: Publishing House “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”. P. 214–226
10. *Esina O.B.* (2011). The Ability of Psychiatric Specialists to Recognize PTSD Symptoms in Children and Adolescents // Ural Medical Journal. № 11. P. 114–17
11. *Leontiev A.N.* (1979). Activity, Consciousness, Personality. M.: Politizdat.
12. *Leontiev D.A.* (2019). Psychology of Meaning. M.: Smysl.
13. *Kotenev I.O.* (1996). Traumatic stress questionnaire for diagnosing psychological consequences of service by police officers in extreme conditions. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
14. *Merlin V.S.* (1986). Essay on an integral study of individuality. Moscow: Pedagogy.
15. *Padun M.A., Kharlamenkova N.E., Kazimova N.N., Tarabrina N.V.* (2017). Intensive stress in the context of psychological safety. Moscow: Publishing house “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”.
16. *Sergienko E.A., Tarabrina N.V.* (2007). Fundamental research in developmental psychology at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences and their significance for children’s health and education // Psychological Journal. Vol. 28. № 4. P. 35–44.
17. *Stolin V.V.* (1983). Personality self-awareness. M.: Moscow State University.
18. *Tarabrina N.V.* (2001). Workshop on the psychology of post-traumatic stress. St. Petersburg. Piter.
19. *Bauer L.M., Altarriba J., Landi M.* (2009). Word type effects in false recall: Concrete, abstract and Emotional word critical lures // The American journal of Psychology. Vol. 122(4). P. 469–481.
20. *Kahneman D., Sibony O., Sunstein C.* (2021). Noise: A Flaw in Human Judgment. New York: Little, Brown Spark.
21. *Shalev A., Liberzon I., Marmar C.* (2017). Post-traumatic stress disorder // New England journal of medicine. Vol. 376. № 25. P. 2459–2469.
22. *Pitman R.K. et al.* (2012). Biological studies of post-traumatic stress disorder // Nature Reviews neuroscience. Vol. 13. № 11. P. 769–787.
23. *Yehuda R.* (2002). Post-traumatic stress disorder // New England journal of medicine. Vol. 346. № 2. P. 108–114.